

Зинаида Николаевна СОКОВА¹

УДК 94(669)

ЗАПАДНАЯ АФРИКА: СТАНОВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

¹ доктор исторических наук, профессор
кафедры новой истории и мировой политики,
Тюменский государственный университет
z.n.sokova@utmn.ru; ORCID: 0000-0003-4366-3771

Аннотация

Статья посвящена изучению динамики политической модернизации в странах Западной Африки в первое десятилетие независимого развития. Анализируется становление политических систем, возникновение зачатков демократических институтов, причины их кризиса и складывания военных и гражданских авторитарных режимов. Автор, опираясь на законодательные акты, документы органов государственной власти и управления, свидетельства современников, оценки экспертов, исследует национальные механизмы политического руководства и управления на примере Нигерии, Ганы, Сенегала, Кот-д'Ивуара, Сьерра-Леоне.

Национальная специфика политических систем, особенности политической культуры исключают возможность выделения «универсальной», действующей во всех странах региона модели властных отношений. Вместе с тем сопоставление этих процессов с аналогичными явлениями, имевшими место в других частях постколониального мира, позволяет заключить, что развитие политического пространства Западной Африки обладало регионально-особенными чертами. Одновременно страноведческий подход к теме позволил выявить специфику влияния государства и его институтов на жизнь общества, а также составить представление о многообразии форм и методов политического властвования.

Значимость научного анализа становления национальной государственности обусловлена неполнотой наших представлений о правящей элите и ее роли в системе

Цитирование: Сокова З. Н. Западная Африка: становление национальной государственности / З. Н. Сокова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2020. Том 6. № 1 (21). С. 150-165.

DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-1-150-165

государственного управления в странах Западной Африки. В статье показано, что в борьбу за контроль над государственными структурами включались многие политически активные группы общества — профессиональные политики, военные, чиновники, технократы, лидеры религиозных организаций. Социальные конфликты, сопряженные с этническими, региональными, конфессиональными противоречиями, расшатывали хрупкие политические режимы, сложившиеся в конце 1950-х — начале 1960-х гг.

Ключевые слова

Западная Африка, государство, политическая власть, правящие группы, демократизация, автократизация, клиента.

DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-1-150-165

Введение

В странах Западной Африки было предпринято несколько попыток демократизации механизма власти. «Первая волна» распространения принципов и институтов демократии западного типа наблюдалась в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Она являлась не столько следствием развития самого африканского общества, сколько реализацией курса колониальных властей на ускоренный перенос демократических государственно-правовых моделей в страны региона [см.: 7, с. 83]. Отсутствие необходимой социальной основы, иная политическая культура, неподготовленность экономики привели к быстрому вырождению «народовластия», которое в течение нескольких лет либо превратилось в фикцию, либо было ликвидировано военными переворотами. По мнению Л. В. Гевелинга, «в первые годы постколониального развития в ряде западноафриканских стран были заложены основы весьма своеобразной формы организации политической власти — „квазидемократии“» [4, с. 356], представляющей результат тесного взаимодействия способов властвования традиционного, колониального и современных обществ.

Национальные лидеры и правящие группы, решившись на рецепцию «демократии», не учли менталитет и традиции африканцев, особенности социальной структуры, этнические и конфессиональные противоречия. Отсутствие современной политической культуры, естественной среды для распространения демократии и адаптации ее институтов, связывают с тенденцией к автократизации способов организации власти — усилением режима личной власти, ослаблением прерогатив парламента, выходом на авансцену военных лидеров.

Основная часть

В 1950-х гг. при посредничестве колониальной администрации были созданы представительные и правительственные органы управления — Законодательные и Исполнительные советы. Накануне независимости во многих колониях Западной Африки было введено всеобщее избирательное право. Колониальные Законодательные советы почти полностью состояли из представителей местно-

го населения. Африканские политические лидеры получили высокие посты в созданных метрополиями государственных структурах [9, с. 90-91].

История последних лет колониального и постколониального развития западноафриканских государств свидетельствует, что идеи подлинного народовластия не получили практического воплощения в регионе. В системах государственного управления преобладали авторитарные черты. По мнению А. М. Васильева, с самого начала, «когда африканцы наследовали колониальные административные институты и структуры, они наследовали не демократические, а авторитарные традиции. Демократические ценности отсутствовали и в политической культуре масс, и в политической культуре элит. Для элиты демократия была лишь средством достижения власти, а не целью» [3, с. 14].

Авторитаризм с приоритетом исполнительной власти над законодательной, с почти неограниченной властью президента отражал специфику начального этапа национально-государственного становления в Западной Африке. Сильная централизованная государственная власть была «обусловлена необходимостью ослабления влияния на национально-политический организм многоукладности, трибализма, национальных и конфессиональных различий... и обеспечения протекционистского режима развития местного общественного организма» [13, с. 112].

Заметное, а в ряде случаев определяющее влияние на выбор форм организации власти оказывали известные политические деятели, такие как К. Нкрума (Гана), Л. Сенгор (Сенегал), Ф. Уфуэ-Буаьи (Кот-д'Ивуар). Все они стремились к усилению личной власти. Поэтому уже в середине 1960-х гг. в западноафриканских государствах были проведены корректировки конституций, а парламентаризм стал лишь оболочкой авторитарной президентской власти.

В бывших французских колониях — Сенегале, Кот-д'Ивуаре — формой правления являлась президентская республика. Институт сильной президентской власти сочетался с существованием (или явным доминированием) одной политической партии. Президент как глава государства и правительства имел обширные полномочия [6, с. 30]. Он наделялся властью по руководству и управлению делами государства. Так, согласно конституции Республики Кот-д'Ивуар 1960 г., президенту принадлежала вся полнота исполнительной и законодательной власти в стране. Он назначал и смещал членов правительства, высших государственных чиновников, возглавлял вооруженные силы, вел международные переговоры. При этом он не нес ответственности перед парламентом — Национальным собранием [6, с. 27-42]. Президент воплощал в себе и в своей деятельности черты традиционного вождя, лидера харизматического типа и современного политического руководителя. В то же время его власть приобрела персоналистский характер. Так, Ф. Уфуэ-Буаьи, президент Кот-д'Ивуара, идентифицировался с созданным им режимом настолько, что стал его частью как лидер, президент, руководитель, персоне [5, с. 83]. Государственно-политические институты с первых дней существования лишь имитировали западные образцы. Они признаны были служить ширмой для порядка, в котором президент являлся вождем «большого племени», каждый член которого обязан был беспрекословно ему подчиняться.

В центре политических структур находилась исполнительная власть — власть главы государства и его окружения. Нигерийский политолог Б. О. Нвабуазе назвал в качестве причин установления президентализма в африканских странах традиционализм и характерные для традиционного общества представления о власти, в частности представления о сакральности ее носителей, а также исключительно большое влияние национального лидера и африканский политический опыт, выявивший неприемлемость дуализма политической власти. В числе других факторов он отмечал потребности экономического развития, необходимость политической и национальной интеграции, требование национальной безопасности [21, с. 58-77].

Одним из ведущих органов в политическом механизме являлась канцелярия главы государства. Это связано с усиливающейся тенденцией к централизации механизма принятия важнейших решений в целом и государственно-бюрократического аппарата в частности. В ведении канцелярии находились основные вопросы внутренней и внешней политики — национальная оборона, государственная безопасность, внешние сношения, экономика, государственная служба. При помощи канцелярии президент реализовывал право законодательной инициативы. Законопроекты, разработанные этим ведомством, предлагались на обсуждение правительства и парламента. В канцелярии президента, которая выполняла политические и административные функции, важнейшими органами являлись кабинет президента и генеральный секретариат. В середине 1960-х гг. в кабинете президента Кот-д'Ивуара было 18 членов [17, с. 110]. Это директор кабинета, заместитель директора, технические советники, чиновники по особым поручениям. В составе советников были как высококвалифицированные кадры местного происхождения, так и французские эксперты. Директор кабинета и его заместитель — ближайшие сотрудники президента, назначавшиеся, как правило, из числа наиболее доверенных лиц. Технические советники консультировали президента по наиболее актуальным проблемам социально-экономического и политического развития страны. Чиновники по особым поручениям курировали деятельность одного или нескольких министерств. Другим важнейшим ведомством в канцелярии президента был генеральный секретариат. Генеральный секретарь помогал президенту в разработке общего политического курса и контроле деятельности правительства. На уровне министерств важную роль в осуществлении решений играли служба министра и руководители важнейших подразделений.

Таким образом, в первые годы после достижения независимости в западно-африканских государствах выросло влияние высшего чиновничества на процесс разработки, принятия и проведения в жизнь государственных решений. Значение бюрократии выходило за рамки ее функциональных обязанностей. По признанию нигерийского политического деятеля периода Первой республики (1960-1966 гг.) Э. Ифодоми, чиновники «обладали всей полнотой власти, и только они могли определять успех или провал любого правительства и любой программы» [14, с. 301].

Как правило, в странах с сильной президентской властью существовала или единственная политическая партия, которая являлась массовой и включала значительную часть взрослого населения страны (Демократическая партия Кот-д'Ивуара, Народная партия конвента в Гане, Всенародный конгресс в Сьерра-Леоне), или доминирование одной политической партии при формальном существовании многопартийной системы (Социалистическая партия Сенегала). В состав партии входило и большинство чиновников аппарата государственного управления.

В этих странах шел активный процесс сращивания партийного и государственного аппарата. При этом происходило тесное переплетение административных и партийных функций и сосредоточение их в одних и тех же руках. Верхний эшелон партии и чиновничества были тесно связаны между собой через систему клиентелизма. Л. Силла отметил, что в Кот-д'Ивуаре «параллелизм и тесное сотрудничество между партийным и государственным аппаратом пронизывают всю политическую иерархию вплоть до самой вершины, сливаясь в личности главы государства, являющегося одновременно и лидером партии» [24, с. 40]. Между чиновничеством и правящей партией устанавливались своеобразные отношения. С одной стороны, партия использовалась как средство, с помощью которого формировались кадры государственного аппарата. С другой стороны, партийная верхушка, занимавшая административные должности, как бы растворялась в государственной бюрократии. Чиновники могли входить в состав правительства и парламента. Так, в 1970 г. в Сенегале гражданские служащие занимали 12 из 80 мест в парламенте и составляли примерно половину членов правительственного кабинета [14, с. 547].

Сращивание партийного и государственного аппарата приводило к распространению на партийный механизм бюрократических принципов организации и функционирования. Иерархия, жесткая субординация, дисциплина повиновения нижестоящих вышестоящим стали нормами внутривнутрипартийной жизни. Лидеры политических партий учитывали высокий престиж гражданской администрации, сохранившийся с колониальных времен. Социальный статус и связанные с ним различного рода привилегии высших чиновников служили своего рода эталоном для партийных функционеров [2, с. 205].

В тех странах Западной Африки, где не сложилась традиция персонализации власти в лице президента, бюрократия являлась одним из главных участников процесса принятия важнейших государственных решений. Это, прежде всего, англоязычные страны региона.

В первые годы после провозглашения независимости административно-управленческий аппарат этих государств функционировал на основе принципов, заимствованных из британской гражданской службы. Премьер-министр являлся главой административного аппарата. Он осуществлял свои полномочия через секретаря, который одновременно возглавлял секретариат кабинета министров. При главе правительства было два органа, выполнявшие функции общего руководства и координации деятельности государственного аппарата — это личный секретариат премьер-министра и секретариат кабинета министров.

В период правления Народной партии конвента в Гане министры, не обладавшие необходимой управленческой и профессиональной подготовкой, оказались в тени. Правительство К. Нкрумы опиралось на главных секретарей и руководителей департаментов. Последние принимали непосредственное участие в формировании государственной политики. Ганский исследователь Ф. Менса писал, что главный секретарь любого министерства мог быть приглашен в резиденцию президента для обсуждения с главой государства какого-либо политического вопроса [20, с. 87].

В январе 1966 г. в Нигерии, в феврале 1966 г. — в Гане, в феврале 1967 г. — в Сьерра-Леоне произошли военные перевороты. В Нигерии и Гане они положили начало длительному правлению военных. Выход армии на политическую арену свидетельствовал о нежизнеспособности государственно-политических структур, сложившихся в первые годы независимости. Основные мотивы вмешательства — стремление армии к ликвидации социально-экономического и политического кризиса как результата некомпетентного управления гражданских лидеров, борьба с коррупцией государственного аппарата, разрешение этнорегиональных конфликтов. По мнению нигерийского политолога Т. Одетолы, основной тенденцией политической жизни африканских стран являлось соперничество различных групп политической элиты, которое способствовало нестабильности государственной власти. Поэтому он склонен видеть в лице военных некоего «арбитра», преследующего цель ускорить становление государственной власти в интересах нации, «в целях развития» [23, с. 94].

В 1960-х — первой половине 1970-х гг. военные ориентировались в основном на жестко административные, порой насильственные методы властвования [7, с. 113]. Они прекращали действие конституций, вводили запрет на деятельность политических партий, в их руках находилась законодательная, исполнительная и судебная власть. Приход к власти военных сопровождался в ряде случаев шумными кампаниями борьбы против коррупции и чисткой гражданской службы. Создавались трибуналы, суды и другие чрезвычайные органы, рассматривавшие дела политиков и должностных лиц, уличенных во взяточничестве [16, с. 12].

В период военного режима выделялась и укреплялась технократическая прослойка внутри административно-управленческого аппарата — хорошо подготовленные специалисты научно-технического и социально-экономического профиля. Военные были заинтересованы в привлечении квалифицированных гражданских специалистов в аппарат управления. Повышенное внимание к компетентности государственных служащих определялось теми обстоятельствами, которые обусловили вступление военных на авансцену политики. Стремление найти выход из кризиса, в который ввергло страну неэффективное гражданское правительство первых лет независимости, заставляло военных искать союзников для «оздоровления» общества.

Интересы технократии наиболее близки армейскому офицерству. Армия как профессиональный институт представляла собой по сути «технобюрократиче-

скую корпорацию» [10, с. 65]. Военное правительство придерживалось определенных методов управления, характеризовавшихся такими понятиями, как порядок, дисциплина, четкость, неукоснительность исполнения принятых решений. Эти принципы понятны бюрократии. Обе группы, независимо от социальных идеалов и политических симпатий, были склонны к расширению позиций контролируемого ими госсектора в экономике. Военные не только тяготели к технократии, но и активно пополняли ее состав своими представителями. По мнению Г. И. Мирского, «военные сразу стали частью новой системы, возникшей после ухода колонизаторов, более того — частью новой элиты. Верхушка военных внутри этой элиты примыкала к бюрократии; если придерживаться концепции противоречия между „администраторами“ и „политиками“ в независимом государстве, то армейскую верхушку — военную бюрократию — бесспорно, следует причислить к категории „администраторов“» [10, с. 65-66]. Характерен в этом отношении пример Ганы, где в 1972-1975 гг. на все важные посты в государственном аппарате и государственных кампаниях были назначены офицеры. Это было связано не столько с желанием обеспечить для военных постоянную работу после выхода в отставку, сколько со стремлением улучшить качество самого управления в этих организациях, навести там порядок с помощью кадрового офицера, в распоряжении которого имелись военная техника, солдаты, а главное, непререкаемый авторитет.

В 1970-х гг. выросла роль правящих групп как носителей не только управленческих, но и «общих функций, включая функции национальной интеграции» [13, с. 58]. В указанный период эти группы фактически монополизировали в своих руках государственное управление, включая сектор экономики. В странах с военными режимами (Нигерии, Гане) установилась государственно-политическая гегемония армейской верхушки, высшего чиновничества и технократии госкорпораций.

В странах с гражданскими режимами — Кот-д'Ивуаре, Сенегале, Сьерра-Леоне — в 1970-х гг. ведущую роль в процессе принятия решений играли гражданские политики и бюрократия, связанные с государственным предпринимательством. Политическое значение армии в этих государствах (за исключением Сьерра-Леоне) было незначительным. Ее роль ограничивалась традиционными функциями вооруженных сил [9, с. 64]. Однако так же, как в период военного правления в Нигерии и Гане, в рассматриваемых странах основная масса населения была выключена из процесса принятия решений.

Анализ процесса развития правящих групп в Кот-д'Ивуаре, Сенегале, Сьерра-Леоне свидетельствует, что основополагающим фактором в их формировании был этнополитический. Определенную роль в становлении элит играла национальная идеология. Важное место занимал и субъективный фактор — роль главы государства, национального лидера. Такие крупные западноафриканские политические деятели, как Л. Сенгор в Сенегале и Ф. Уфуэ-Буаньи в Кот-д'Ивуаре, оказывали решающее влияние на выбор форм организации власти и эволюцию правящих групп. В течение длительного времени эти лидеры нахо-

дились как бы над законодательными и исполнительными структурами. Становление правящих групп определялось взглядами главы государства и его личными качествами. Общей тенденцией в развитии политического процесса в рассматриваемых государствах являлось постепенное ослабление противоречий и усиление консолидирующего начала в правящем слое.

Со времени провозглашения независимости (1960 г.) и до конца 1980 г. главой государства в Сенегале был Л. Сенгор. Он же являлся генеральным секретарем правящей Социалистической партии. Сенегальская политическая элита включала четыре группы: государственную бюрократию, партийных деятелей, частных торговцев и мусульманское духовенство [2, с. 207]. Правящая верхушка рассматривала государственный аппарат как наиболее надежное средство консолидации своей власти [13, с. 205]. Л. Сенгор воспринял французскую традицию и предоставил гражданским служащим свободу выбора. Чиновник, избранный в парламент, прерывал свою профессиональную карьеру, но сохранял трудовой стаж и право на пенсию. После окончания срока парламентской деятельности он мог вернуться на гражданскую службу. Американский исследователь А. Р. Золберг заметил, что в 1960-х гг. только консервативно настроенные африканцы предпочитали оставаться в административно-управленческом аппарате, «рационально мыслящие» стремились к политической карьере [25, с. 121]. Но фактически многие чиновники совмещали политические и административные должности. В Сенегале происходил процесс сращивания партийного и государственного аппарата. Многие чиновники и партийные функционеры в центре и на местах имели по 2-3 должности (административные и политические), что приводило к формированию единой партийно-бюрократической элиты.

В 1970-х гг. бюрократия заняла важные должности в руководстве правящей партии и контролировала большинство ее региональных отделений. Один из сенегальских политиков заявил, что «ореол привилегий, прерогатив и почестей, который окружает политических функционеров, в глазах представителей элиты таков, что они готовы отказаться от большинства видных постов в пользу политического назначения» [14, с. 555]. Поскольку привилегии министров были значительно выше, чем у высших чиновников, то последние стремились стать политическими руководителями министерств и ведомств. В свою очередь Л. Сенгор охотно назначал чиновников на правительственные должности. По мнению Л. Адамолекуна, глава сенегальского государства руководствовался стремлением уменьшить влияние профессиональных политиков и «вывести наиболее значимые сферы правительственной деятельности из-под их контроля» [14, с. 556]. Он опасался, что политики могут усилить конфронтацию в правительственных кругах. Поэтому в течение 1970-х гг. должности руководителей министерств и ведомств, связанных с экономикой и финансовой деятельностью государства, были монополизированы бюрократией.

Английский ученый Д. О'Брайн охарактеризовал политический стиль сенегальской элиты как «коррупцию», а саму элиту назвал «клептократией» [22, с. 187, 192]. Он пришел к выводу, что все группы правящего слоя связаны между

собой через систему коррупции. Наиболее значительную долю в прибылях получала бюрократия. Только выплаты жалования и всевозможных дотаций составляли около половины национального бюджета. С чиновником был связан торговец, который заинтересован в получении государственных лицензий, и партийный функционер, покрывавший заключаемые сделки. Таким образом, все группы правящего слоя образуют единый клан, связанный общими «интересами».

Формирование патронажно-клиентельных связей зависело от степени развития государственной собственности. Такого рода структуры получали наибольшее развитие в областях деятельности, наиболее перспективных с точки зрения доходов и карьеры. Как отметил французский исследователь Ж.-Ф. Медар, «государственная власть в африканских странах превращается в объект присвоения политиками, высшими чиновниками и военными, которые основывают свои стратегии личного и семейного благополучия на приватизации общественных ресурсов» [19, с. 167].

В Западной Африке наблюдалось сосуществование различных видов патронажа — этнического, конфессионального, административного и т. п., при доминировании патронажа этнополитического типа. Основу клиентел составили различные общности — родственные, этнические, территориальные, религиозные. Выполняя функции распределения государственных доходов среди представителей правящего слоя, патронажно-клиентельные отношения обеспечивали доступ к экономическим ресурсам своей этнической или конфессиональной группе. Поэтому в условиях Западной Африки социальные конфликты, в основе которых лежала борьба за власть, часто приобретали этнорегиональный и этноконфессиональный характер. «Клиентелизм, — как справедливо утверждал Л. Силла, — определяет формы, посредством которых правящие группы распределяют политические и экономические ресурсы... не только в целях увековечения своей власти, но также и в целях создания условий для прочного социополитического консенсуса между различными социальными группами, образующими нацию» [24, с. 31]. Известно, что в тех странах, где институт клиентелы стал прочной основой политического взаимодействия, существовала стабильность политической системы.

Клиентелизм способствовал установлению взаимодействия формального и реального механизмов власти, приводя их к определенному единству в тех странах, где сложилась практика индивидуального лидерства и персонализации власти (Сенегал, Кот-д'Ивуар, Сьерра-Леоне). В Нигерии и Гане взаимодействие этих механизмов зачастую носило конфликтный характер, который был обусловлен большим отрывом формальной политической власти от реальной. Поэтому требовалось вмешательство армии, которая приводила «в соответствие реальную политическую жизнь с официальными политическими и правовыми нормами» [9, с. 24].

Развитие неформальных структур власти, основанных на патронажно-клиентельных связях, являлось следствием социально-экономической отсталости и этнической неоднородности африканского общества. Оно выступало как ре-

акция общества на отчужденность и авторитарно-бюрократический характер государственных институтов. Важная роль патронажно-клиентельных отношений свидетельствовала о неразвитости современного гражданского общества в западноафриканских странах. В этих условиях участие индивида или группы в политическом процессе, их влияние на принятие государственных решений, доступ к экономическим ресурсам становились возможными в результате присоединения к неформальным структурам власти.

Наибольшее влияние патронажно-клиентельных отношений наблюдалось в функционировании механизма государственного управления Нигерии, Ганы, Сьерра-Леоне, Кот-д'Ивуара [9, с. 52]. В Нигерии этнополитический фактор определял развитие политического процесса. В период Первой республики (1960-1966 гг.) правящий слой оказался расколотым на ряд этнорегиональных группировок. В их составе доминировали профессиональные политики. Бюрократия осуществляла доступ к власти и к государственным ресурсам через патронажно-клиентельные отношения с лидерами господствовавших на национальном или региональных уровнях политических партий.

После падения режима Первой республики и прихода к власти военных высшие офицеры армии, полиции и верхушка гражданской службы, монополизировав функции государственного управления, стали ядром системы патронажно-клиентельных связей. Материальной основой их развития являлось укрепление государственного сектора. Возросла роль центральной власти в экономической и политической жизни. Результатом этих изменений являлась временная стабилизация политической системы.

Развитие клиентельных общностей в Гане относилось к первой половине 1960-х гг. Они возникли внутри и вокруг правящей партии — Народной партии конвента. Военный переворот 1966 г. способствовал завершению этого процесса. В период Второй республики (1969-1972 гг.) сформировались две политические группировки — Национальный союз либералов (опирался на национальную группу эве) и Партия прогресса (ядро принадлежало к этнической общности ашанти) [1, с. 113]. Окончательное оформление клиентельных общностей завершилось путем присоединения к профессиональным политикам групп клиентов, в том числе государственных служащих.

Политические группировки, существовавшие в первый период после достижения независимости в Сьерра-Леоне, имели этнорегиональный характер. Так, Народная партия Сьерра-Леоне была партией менде. В период ее правления (1957-1967 гг.) только представители этой этнической группы назначались на должности высших чиновников. Высшая государственная бюрократия, а также командный состав армии составляли клиентелу профессиональных партийных лидеров.

Основу патронажно-клиентельной системы в Кот-д'Ивуаре составляли профессиональные политики, входившие в Демократическую партию. Они укрепили свои позиции в 1940-1950-х гг. в период борьбы за независимость. Вплоть до начала 1990-х гг. они группировались вокруг лидера Ф. Уфуэ-Буаньи, представителя этнической общности бауле. В 1960-1970-х гг. укрепили свои позиции

в структурах власти высшие чиновники, прежде всего связанные с руководством госсобственностью. Сложившаяся в стране национальная буржуазия являлась клиентелой государства-патрона [24, с. 31].

Институт клиентелы в Сенегале сложился в условиях дуализма политической системы. Христианизированная партийно-бюрократическая прослойка олицетворяла привнесенные политические институты, опиралась на современные городские слои и не имела непосредственных связей с крупными этническими общностями.

Чиновники центрального аппарата государственного управления являлись клиентелой профессиональных политиков, главным образом членов правящей Социалистической партии. Наряду с патронажно-клиентельными связями этнического типа, в Сенегале был распространен патронаж административного типа, включавший лояльность государственной идеологии, национальному лидеру, личные связи внутри государственной бюрократии и политической элиты. Патронажно-клиентельные связи существовали также по конфессиональной линии, в силу чего высшие посты в министерствах и ведомствах фактически монополизировали христиане.

Мусульманские ордена (тарикаты) и отдельные влиятельные религиозные деятели (марабуты) обеспечивали стабильный механизм функционирования государственно-управленческого аппарата и оказывали многостороннее влияние на деятельность бюрократии [11, с. 254]. Как отмечал К. Кулон, власть марабутов основана одновременно на отношениях «патрон — клиент» и их роли как харизматических лидеров [15, с. 161]. Известно, что политик или администратор, претендовавшие на высокие государственные посты, должны были получить поддержку влиятельных марабутов [8, с. 130]. Если деятельность высокопоставленного чиновника не устраивала религиозных деятелей, то его вынуждали отказаться от занимаемой должности. Особенно большое влияние оказывали ордена на администрацию регионального и местного уровней. Марабуты участвовали в формировании органов власти и отборе чиновников на местах. Администрация регионов часто обращалась за помощью к орденам при выполнении управленческих обязанностей.

Заключение

Накануне и в первые годы суверенного развития колониальные власти и национальные лидеры стремились перенести государственно-правовые модели европейского образца в африканские страны. Были заложены своеобразные формы организации политической власти, лишь внешне напоминавшие западные политические структуры (квазидемократия).

По мнению английского исследователя К. Лиджима, политическое развитие африканских государств после независимости прошло несколько этапов: складывание многопартийной политической системы с формальными признаками демократических институтов, в то время как армия оставалась вне политики; раскол правящих партий на фоне снижения эффективности и разрушения госу-

дарственных структур; рост политической нестабильности, в том числе этнического или регионального противостояния; появление однопартийного государства или военных режимов [18, с. 178].

Практически все африканские лидеры первого поколения пошли по пути авторитарных форм правления, основанных на централизации и личной власти. Их наиболее значительными политическими актами являлись создание однопартийных политических систем, персонализация правящей элитой государственной собственности, лишение парламента влияния в процессе принятия ответственных решений, опора на неформальный аппарат власти. Для такого рода формы политической организации было характерно наличие клиентелы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова С. Ю. История Ганы в новое и новейшее время / С. Ю. Абрамова, С. В. Мазов, М. Ю. Френкель; отв. ред. Ю. В. Луконин, М. Ю. Френкель. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1985. 304 с.
2. Африка: власть и политика / отв. ред. Н. Д. Косухин. М.: Ин-т Африки РАН, 2004. 124 с.
3. Васильев А. М. Гражданское общество в Африке: реалии и мифы / А. М. Васильев // Восток. 1995. № 2. С. 5-17.
4. Гевелинг Л. В. Клептократия. Социально-политическое измерение коррупции и негативной экономики. Борьба африканского государства с деструктивными формами организации власти / Л. В. Гевелинг. М.: Изд-во «Гуманитарий» Академии гуманитарных исследований, 2001. 592 с.
5. Денисова Т. С. Кот-д'Ивуар: электоральные реформы Ф. Уфуэ-Буаньи / Т. С. Денисова // Ученые записки Института Африки РАН. 2015. № 3 (34). С. 77-87.
6. Конституции государств Африки. М.: Изд-во иностр. лит., 1963. Том 1. 750 с.
7. Косухин Н. Д. Африка: поиски обновления. Динамика политических изменений в конце XX — начале XXI вв. / Н. Д. Косухин. М.: Институт Африки РАН, 2007. 237 с.
8. Малышева Д. Б. Религия и общественно-политическое развитие арабских и африканских стран (70-80-е годы) / Д. Б. Малышева. М.: Наука, 1986. 227 с.
9. Механизмы политической власти в странах Западной Африки / отв. ред. Л. В. Гевелинг. М.: Институт Африки АН СССР, 1991. 103 с.
10. Мирский Г. И. «Третий мир»: общество, власть, армия / Г. И. Мирский. М.: Наука, 1976. 408 с.
11. Саватеев А. Д. Суфийские ордена в странах Тропической Африки — альтернативный вариант цивилизационного развития / А. Д. Саватеев // Африка: новый портал глобализации: ежегодник. М.: РУДН, 2012. С. 250-258.
12. Садовская Л. М. Власть и оппозиция в африканском обществе в конце XX — начале XXI вв. (на примере Сенегала и Кот-д'Ивуара) / Л. М. Садовская. М.: Институт Африки АН СССР, 2017. 152 с.
13. Современная Африка: метаморфозы политической власти / отв. ред. А. М. Васильев. М.: Восточная литература, 2009. 494 с.

14. Adamolekun L. Public Administration in Africa: Main Issues and Selected Country Studies / L. Adamolekun. Ibadan: Spectrum Books, 2002. 415 p.
15. Coulon C. Le Marabout et le Prince. Islam et pouvoir au Sénégal / C. Coulon. P.: Pédone, 1981. 170 p. URL: <https://storage.googleapis.com/cantookhub-media-eden/25/1161992159a0aacbb3be8af79b50d99f797a04.pdf> (дата обращения: 28.04.2020).
16. Federal Republic of Nigeria. Events in Nigeria in 1966. Policies and Objectives of the Federal Military Government. Lagos: Federal Ministry of Information, [1967]. 120 p.
17. Holas B. La Cote d'Ivoire. Passe, Present, Perspective / B. Holas. Abidjan: Université Nationale de Cote d'Ivoire, 1978. 128 p.
18. Legum C. Democracy in Africa: hope and trends / C. Legum // Democracy and Pluralism in Africa / ed. by D. Ronen. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1986. Pp. 158-181.
19. Medard J.-F. L'"big man" en Afrique: Esquissée analyse du politicien-entrepreneur / J.-F. Medard // L'anneesociologique. 1992. No. 42. Pp. 167-192.
20. Mensah F. O. K. Government and Constitutional Development in Ghana / F. O. K. Mensah. Heidelberg: University Publishing, 1976. 234 p.
21. Nwabueze B. O. Constitutional Democracy in Africa / B. O. Nwabueze. Ibadan: Spectrum Books, 2003. 364 p.
22. O'Brien D. B. C. Saints and Politicians. Essays in the Organisation of Senegalaïse Peasant Society / D. B. C. O'Brien. L.: Cambridge University Press, 1975. 213 p.
23. Odetola T. O. Military Regimes and Development: A Comparative Analysis of African States / T. O. Odetola. London; Boston: Allen & Unwin, 1982. 200 p.
24. Sylla L. Genese et fonctionnement de l'Etat clienteliste en cote d'Ivoire / L. Sylla // Archives Europeennes de sociologie. 1985. Vol. 26. No. 1. Pp. 29-57.
25. Zolberg A. R. Creating Political Order: The Party-States of West Africa / A. R. Zolberg. Chicago: University of Chicago Press, 1985. 168 p.

Zinaida N. SOKOVA¹

UDC 94(699)

WEST AFRICA: THE FORMATION OF NATIONAL STATEHOOD

¹ Dr. Sci. (Hist.), Professor, Department of New History
and World Politics, University of Tyumen
z.n.sokova@utmn.ru; ORCID: 0000-0003-4366-3771

Abstract

The article is devoted to the study of the dynamics of political modernization in West Africa in the first decade of independent development. The author analyses the formation of political systems, the emergence of democratic institutions, and the causes of their crisis as well as the emergence of military and civilian authoritarian regimes. The author draws on legislative acts, documents of state authorities and governing bodies, evidence of contemporaries, expert assessments and explores national mechanisms of political leadership and governance using the examples of Nigeria, Ghana, Senegal, Côte d'Ivoire, Sierra Leone.

The national specifics of political systems and the characteristics of political culture exclude the possibility of highlighting the “universal” model of power relations that is valid in all countries of the region. At the same time, a comparison of these processes with similar phenomena that took place in other parts of the post-colonial world allows concluding that the development of the political space of West Africa had regionally special features. At the same time, the country approach to the topic made it possible to identify the specific influence of the state and its institutions on the life of society, as well as to form an idea of the variety of forms and methods of political rule.

The significance of the scientific analysis of the formation of national statehood rests upon the incompleteness of our ideas about the ruling groups and their role in the system of public administration in West Africa. The article shows that many politically active groups of society — professional politicians, military men, officials, technocrats, and leaders of religious organizations — joined the struggle for control over state structures. Social conflicts, coupled with ethnic, regional, confessional contradictions, shook the fragile political regimes that developed in the late 1950s and early 1960s.

Citation: Sokova Z. N. 2020. “West Africa: The Formation of National Statehood”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 6, no. 1 (21), pp. 150-165. DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-1-150-165

Keywords

West Africa, state, political power, ruling groups, democratization, autocratization, clientele.

DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-1-150-165

REFERENCES

1. Abramova S. Yu., Mazov S. V., Lukonin Yu. V., Frenkel M. Yu. (eds). 1985. The History of Ghana in New and Newest Times. Moscow: Science. The main editorial of oriental literature. 304 pp. [In Russian]
2. Kosukhin N. D. (ed). 2004. Africa: Power and Politics. Moscow: African Institute of the Russian Academy of Sciences. 124 pp. [In Russian]
3. Vasiliev A. M. 1995. "Civil society in Africa: realities and myths". *Oriens*, no. 2, pp. 5-17. [In Russian]
4. Heveling L. V. 2001. Kleptocracy. The Socio-Political Dimension of Corruption and the Negative Economy. The Struggle of the African State with Destructive Forms of Power Organization. Moscow: Humanitarian Publishing House of the Academy of Humanitarian Studies. 592 pp. [In Russian]
5. Denisova T. S. 2015. "Côte d'Ivoire: electoral reforms of F. Houphouët-Boigny". *Scientific Notes of the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences*, no. 3(34), pp. 77-87. [In Russian]
6. Constitutions of States of Africa. 1963. Moscow: Publisher of Foreign Literature, vol. 1. 750 pp. [In Russian]
7. Kosukhin N. D. 2007. Africa: The Search for Renewal. The Dynamics of Political Changes in the Late XX — Early XXI Centuries. Moscow: African Institute of the Russian Academy of Sciences. 237 pp. [In Russian]
8. Malysheva D. B. 1986. Religion and Socio-Political Development of the Arab and African Countries (70-80s). Moscow: Science. 227 pp. [In Russian]
9. Heveling L. V. (ed.). 1991. The Mechanisms of Political Power in West Africa. Moscow: Institute of Africa, USSR Academy of Sciences. 103 pp. [In Russian]
10. Mirsky G. I. 1976. "Third World": Society, Power, Army. Moscow: Science. 408 pp. [In Russian]
11. Savateev A. D. 2012. "Sufi Orders in Tropical Africa — an alternative civilization". *Africa: a New Portal to Globalization. Yearbook*. Moscow: Publishing House of the Peoples' Friendship University of Russia, pp. 250-258. [In Russian]
12. Sadovskaya L. M. Power and Opposition in African Society in the Late XX — Early XXI Centuries (for example, Senegal and Côte d'Ivoire). Moscow: African Institute of the Russian Academy of Sciences. 152 pp. [In Russian]
13. Vasiliev A. M. (ed.). 2009. Modern Africa: Metamorphoses of Political Power. Moscow: Oriental literature. 494 pp. [In Russian]
14. Adamolekun L. 2002. Public Administration in Africa: Main Issues and Selected Country Studies. Ibadan: Spectrum Books. 415 pp.
15. Coulon C. 1981. *Le Marabout et le Prince. Islam et pouvoir au Sénégal*. P.: Pédone. 170 pp. <https://storage.googleapis.com/cantookhub-media-eden/25/1161992159a0aacbb3be8af79b50d99f797a04.pdf> Accessed 28 April 2020.

16. Federal Republic of Nigeria. 1967. Events in Nigeria in 1966. Policies and Objectives of the Federal Military Government. Lagos: Federal Ministry of Information. 120 pp.
17. Holas B. 1978. La Cote d'Ivoire. Passe, Present, Perspective. Abidjan: Universite Nationale de Cote d'Ivoire. 128 pp.
18. Legum C. 1986. "Democracy in Africa: hope and trends" In: Ronen D. (ed.) Democracy and Pluralism in Africa. Boulder: Lynne Rienner Publishers, pp. 158-181.
19. Medard J.-F. 1992. "L'"big man" en Afrique: Esquissed'analyse du politicien-entrepreneur". L'anneesociologique, no. 42, pp. 167-192.
20. Mensah F. O. K. 1976. Government and Constitutional Development in Ghana. Heidelberg, University Publishing. 234 pp.
21. Nwabueze B. O. 2003. Constitutional Democracy in Africa. Ibadan: Spectrum Books. 364 pp.
22. O'Brien D. B. C. 1975. Saints and Politicians. Essays in the Organisation of Senegalaise Peasant Society. London: Cambridge University Press. 213 pp.
23. Odetola T. O. 1982. Military Regimes and Development: a Comparative Analysis of African States. London: Boston: Allen & Unwin. 200 pp.
24. Sylla L. 1985. "Genese et fonctionnement de l'Etat clienteliste en cote d'Ivoire". Archives Europeennes de sociologie, vol. 26, no. 1, pp. 29-57.
25. Zolberg A. R. 1985. Creating Political Order: The Party-States of West Africa. Chicago: University of Chicago Press. 168 pp.